

(НЕ)ВЫНОСИМЫЙ СОСЕД

18+

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская
(Не)выносимый сосед

«Автор»

2026

Чародейская Н.

(Не)выносимый сосед / Н. Чародейская — «Автор», 2026

У меня было три проблемы: долги, разбитое сердце и кофейня на грани разорения. У него — циничный взгляд, миллиарды на счету и желание стереть мой бизнес с лица земли, построив на его месте очередную высотку. Когда судьба сталкивает нас в нотариальной конторе, а затем и в одной квартире (спасибо, бабуля, за сюрприз с наследством), война переходит на новый уровень. Он составляет график пользования ванной. Я прячу зефир. Он называет меня зайчиком. Я называю его волком. Но за взаимной ненавистью стоит старая семейная тайна. Двадцать лет назад наши семьи уже пересеклись — и это пересечение закончилось трагедией. Теперь нам предстоит не просто делить квадратные метры, но и решить: мстить за прошлое или строить будущее. От ненависти до любви — один поцелуй. И он уже случился.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кофе, бульдозер и голубые глаза	5
Глава 2. Наследство с сюрпризом	15
Глава 3. Территория войны	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Надежда Чародейская (Не)выносимый сосед

Глава 1. Кофе, бульдозер и голубые глаза

Если вы когда-нибудь пробовали остановить бульдозер голыми руками — добро пожаловать в мой понедельник.

Хотя, если честно, всё началось не в понедельник. Всё началось на три года раньше, когда я, двадцатипятилетняя дурочка с дипломом филолога и абсолютным незнанием жизни, решила открыть кофейню. Не просто кофейню — а место силы. Островок тепла в бетонных джунглях Петербурга. Уголок, где пахнет корицей, играет джаз и где каждый гость чувствует себя немножко дома.

Я назвала её «Алиса в стране чудес» — в честь любимой книги, которую бабушка читала мне в детстве. Сама нарисовала вывеску (Чеширский кот получился кривоватым, но посетители говорили, что в этом есть шарм). Сама выбрала бирюзовый цвет для стен, сама покрасила кованые столики, сама повесила гирлянды. Это было моё детище. Моя душа. Моё всё.

И вот теперь, в шесть утра хмурого ноябрьского понедельника, моё всё сносил бульдозер.

Я стояла на пороге кофейни, прижимая к груди картонный стаканчик с остывшим американо, и смотрела, как жёлтая махина с грацией голодного носорога вгрызается в брусчатку, на которой ещё вчера вечером стояли мои столики. Та самая брусчатка. Старая, питерская, местами выщербленная, но такая родная. Я знала здесь каждый камень. Каждую трещину. Каждую травинку, прорывающуюся между бульжниками.

— Эй! — заорала я, когда бульдозер добрался до клумбы с петуниями. — Вы что творите?!

Петунии. Чёртовы петунии, которые мы с Ленкой высаживали в прошлые выходные. Она тогда сказала: «Алиска, это безнадежно, ноябрь на носу, они замёрзнут». А я ответила: «Ничего, зато красиво». Мы проторчали три часа на холоде, копаясь в земле, а потом пили глинтвейн и смеялись до полуночи.

Теперь от петуний осталась только каша из земли и лепестков.

Бульдозерист меня не услышал. Или сделал вид. Машина продолжала уютить тротуар, надвигаясь на летнюю веранду — мои пять столиков под зонтиками, которые я собственноручно собирала прошлой весной.

Я поставила стаканчик с американо прямо на крыльцо и побежала.

Бежать на каблуках по брусчатке — то ещё удовольствие, особенно когда ты не спала половину ночи, потому что считала квартальный отчёт и понимала, что кофейня едва держится

на плаву. Но я бежала. Спотыкалась, матюгалась сквозь зубы и бежала. Потому что за верандой начиналась моя территория. Моя земля. Моя жизнь.

— Стоять! — я вцепилась в поручень кабины. — Выключите эту хрень немедленно!

Двигатель взревел и заглох. Из кабины высунулся мужик в оранжевой каске — усатый, краснолицый, с выражением лица человека, которого оторвали от важного государственного дела.

— Девушка, отойдите, — лениво произнёс он, пожевав губами. — У нас предписание.

— Какое ещё предписание?! Это частная территория! Вернее, арендованная, но с юридической точки зрения — частная!

— Ничего не знаю. Начальство велело — я делаю.

— Какое начальство?! — я уже почти визжала. — Фамилия! Имя! Должность! Номер телефона! Группа крови!

Бульдозерист лениво почесал нос, сдвинул каску на затылок и кивнул куда-то мне за спину:

— Вон, Дмитрий Сергеевич вам всё объяснит.

Я резко обернулась.

У тротуара, метрах в двадцати от меня, стоял чёрный «Мерседес» — из тех, что смотрятся на петербургских улицах как хищник, случайно забредший в стадо голубей. Задняя дверца была приоткрыта. В проёме виднелся силуэт мужчины. Он не выходил, не махал рукой, не подавал признаков жизни. Просто сидел и смотрел.

Я пошла к нему.

Не знаю, что мной двигало — ярость, отчаяние или глупая надежда, что всё это — недоумение, ошибка, дурацкий розыгрыш. Шла и разглядывала его. Вернее, то, что можно было разглядеть в тёмном проёме машины.

Лет тридцать пять. Широкие плечи под идеально сидящим серым пальто — такое пальто стоит больше, чем моя кофейня зарабатывает за месяц. Тёмные волосы зачёсаны назад, открытая высокая лоб и резкую линию скул. Тяжёлый подбородок — такой бывает у людей, которые привыкли принимать решения и не привыкли извиняться. И глаза. Даже с расстояния в несколько метров я видела эти глаза. Холодные. Голубые. Как февральский лёд на Неве.

Он не улыбался. Он вообще не выражал никаких эмоций. Просто смотрел, как я иду к нему — растрёпанная, в помятом плаще поверх фартука бариста, с грязными от клумбы руками и, кажется, с петуньим лепестком в волосах.

— Это вы здесь главный? — выпалила я, останавливаясь в метре от машины. — Это по вашему приказу разносят мою кофейню?!

Он не изменил позы. Только чуть склонил голову набок, словно разглядывал забавный музейный экспонат.

— Кофейню? — его голос оказался ниже, чем я ожидала. С хрипотцой, как будто он только что проснулся или много курил. — Вы называете это кофейней?

Вот тут меня прорвало.

— Вообще-то, это входит в топ-10 независимых кофеен Петербурга по версии журнала «Собака.ру»! У меня четыре с половиной звезды на «Яндекс.Картах»! А латте с лавандой, который варит моя бариста Лена, признан лучшим в Центральном районе по итогам прошлого года голосования! И у меня есть постоянные клиенты, которые ходят сюда каждый день уже три года! А у вас, судя по всему, ни одной звезды совести!

Его левая бровь чуть приподнялась. Всего на пару миллиметров, но я заметила. Кажется, это был саркастический интерес.

— Четыре с половиной звезды, — повторил он задумчиво, и в его голосе мне почудилась издёвка. — Впечатляет. Жаль, что через месяц здесь будет подземный паркинг бизнес-центра «Ветров-тауэр». Боюсь, звёзды не спасут ваш рейтинг.

Всё внутри меня похолодело. Буквально — как будто кто-то выключил отопление во всём мире. Я смотрела на него, на бульдозер, на развороченную брусчатку, на останки петуний — и в голове наконец складывался пазл, который я отказывалась собирать последние полгода.

Полгода назад за углом началась грандиозная стройка. Огромный котлован, краны, бесконечные фуры с бетоном. Сначала я даже радовалась — думала, офисные сотрудники станут моими клиентами, кофейня наполнится людьми в деловых костюмах. Но стройка затянулась, тротуар перекрыли, и ко мне почти перестали ходить. Выручка упала на сорок процентов. Я списывала это на временные трудности. На сезонность. На что угодно.

А теперь выяснялось, что меня не просто перекрыли — меня планомерно стирали с лица земли.

— «Ветров-тауэр», — медленно произнесла я. — Это ваша стройка?

— Моя, — спокойно подтвердил он. — И по проекту благоустройства эта территория отходит под нужды комплекса. Ваш договор аренды истекает через два месяца. Продления, разумеется, не будет.

— Мой договор аренды... Откуда вы знаете?!

— Я знаю всё о зданиях, которые собираюсь снести. — Он произнёс это так буднично, словно речь шла о прогнозе погоды. — Ваше здание — бывший доходный дом купца Брусницына, 1897 год постройки. Не является памятником архитектуры. Ветхость перекрытий — шестьдесят три процента. Вы арендуете первый этаж и подвал. В подвале у вас хранятся зёрна. Бразильская арабика, если быть точным. Я знаю даже сорт.

У меня отвисла челюсть. Он знал сорт моих зёрен?!

— Вы... вы следили за мной?

— Нет. Я изучал объект. Это стандартная процедура due diligence перед сносом. Ничего личного.

— Ничего личного? — я почти задохнулась от возмущения. — Вы называете это — ничем личным?! Вы уничтожаете мой бизнес! Мою мечту! Моё...

Я запнулась, потому что ком подкатил к горлу. Нет. Только не плакать. Только не перед ним.

Он смотрел на меня — всё так же спокойно, отстранённо, словно я была не человеком, а строчкой в его бухгалтерском отчёте. И это бесило больше всего. Даже не бульдозер. Не снесённая клумба. А это вот ледяное спокойствие.

— Послушайте, Дмитрий Сергеевич, — я глубоко вдохнула и попыталась взять себя в руки. — Вы не можете просто так взять и всё снести. У меня договор аренды. У меня двое сотрудников. У меня постоянные клиенты, которые приходят сюда каждое утро. Вы хоть понимаете, что для людей значит их любимая кофейня? Это не просто место, где пьют кофе. Это островок тепла в этом вашем бетонном аду. Сюда приходят на первые свидания. Здесь делают предложения. Здесь мирятся после ссор. Одна пожилая пара познакомилась у меня за стойкой три года назад и с тех пор приходит каждое воскресенье. Вы хотите лишить их этого?

Он слушал. Или делал вид, что слушает. Потом лениво перевёл взгляд на мою вывеску — ту самую, где кривовато улыбался Чеширский кот.

— «Алиса в стране чудес», — прочитал он вслух, и в его голосе мне почудилась усмешка. — Мило. Очень... художественно. Но в реальном мире, Алиса, чудес не бывает. И кроличьих нор, куда можно сбежать от проблем, тоже.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Я же сказал. Я знаю всё о зданиях, которые собираюсь снести. И об их владельцах — тоже.

Сказал — и захлопнул дверцу. Просто взял и захлопнул. Без прощания, без извинений, без малейшего намёка на человеческие эмоции.

«Мерседес» мягко тронулся с места и скрылся за поворотом. Даже не просигналил.

Я осталась стоять на тротуаре. Смотрела на удаляющийся автомобиль, на бульдозер, который снова взревел и продолжил своё чёрное дело, на остатки клумбы, где ещё вчера цвели петунии. Ветер трепал полы моего плаща. В волосах запутался осенний лист. Я была одна — маленькая, взъерошенная, бесконечно уставшая женщина против огромной бездушной машины.

Бульдозер тем временем добрался до летней веранды. Первый столик — тот самый, за которым сидела та пожилая пара, — рухнул под гусеницами. Я услышала хруст металла и поняла: это не просто столик. Это хрустит моя жизнь.

Я достала телефон. Набрала Ленку.

— Алло, Лен? Да, я знаю, что ещё нет семи утра. Слушай сюда. У нас проблемы. Большие. Огромные. Катастрофические. Начинай варить кофе покрепче и готовься к осаде.

— Что случилось? — её голос был сонным, но уже встревоженным. — Алиса, ты чего?

— Тут бульдозер сносит нашу веранду. И какой-то мужик на «Мерседесе» сказал, что через два месяца здесь будет парковка.

В трубке повисла пауза.

— Я сейчас приеду, — сказала Ленка. — Жди.

— Жду.

Я нажала отбой и снова посмотрела на бульдозер. Он продолжал утюжить мою территорию.

— Ну держись, Дмитрий Сергеевич, — прошептала я себе под нос. — Ты ещё не знаешь, с кем связался. Алиса Ветрова просто так не сдаётся.

В кофейне пахло корицей, свежемолотым кофе и почему-то тревогой. Этот запах — смесь арабики и надвигающейся катастрофы — я запомню на всю жизнь.

Я сидела за стойкой, обхватив ладонями горячую кружку, и смотрела в одну точку. Передо мной лежал квартальный отчёт — тот самый, который я считала полночи. Цифры были неутешительными. Выручка упала на сорок три процента по сравнению с прошлым годом. Аренда подорожала. Поставщики подняли цены на зёрна. Если так пойдёт дальше, через месяц мне будет нечем платить зарплату Ленке.

А теперь ещё и это.

Ленка примчалась через двадцать минут — заспанная, но уже боевая. Рыжие кудряшки торчали во все стороны, как будто она сунула палец в розетку. Веснушчатое лицо пылало праведным гневом. Она ворвалась в кофейню, хлопнула дверью так, что звякнул колокольчик, и с порога заявила:

— Так, давай по порядку. Какой-то мужик на «Мерседесе» хочет снести «Алису» и построить на этом месте парковку?

— Подземный паркинг, — машинально поправила я. — Бизнес-центр «Ветров-тауэр».

— Да хоть космодром! — всплеснула она руками. — Мы этого не допустим! Я лично лягу под бульдозер! У меня есть опыт — я один раз на митинге лежала!

— Лен, ты никогда не была на митингах.

— Ну и что! Когда надо — буду!

Я невольно улыбнулась. Ленка всегда умела меня рассмешить, даже в самые тёмные времена. Мы дружили с первого курса университета — вместе учились на филфаке, вместе поняли, что преподавание — это не наше, вместе пошли работать в кофейню, а потом, когда я открыла «Алису», она стала моей правой рукой и левым полушарием мозга.

— Лен, ты не понимаешь, — я поставила кружку на стол и наконец подняла на неё глаза. — Этот человек... он не просто застройщик. Я погуглила, пока ты ехала. Дмитрий Сергеевич Ветров. Генеральный директор «Ветров-девелопмент». Входит в топ-50 богатейших людей Петербурга по версии «Делового Петербурга». Состояние — несколько миллиардов рублей. Он строит по всему городу — от элитных жилых комплексов до бизнес-центров класса «А». У него связи везде — от Смольного до арбитражных судов. Если он решил снести мою кофейню, он её снесёт. Это как бороться с цунами при помощи зонтика.

Ленка нахмурилась. Плюхнулась на соседний стул, машинально потянулась к моей кружке, отхлебнула кофе, сморщилась:

— Фу, холодный. Слушай, а фамилия... Ветров? Ты — Ветрова. Это что, совпадение?

— Просто распространённая фамилия, — отмахнулась я, хотя внутри что-то неприятно кольнуло. — Это как Иванов или Смирнов. Ветровых в России тысячи. Я проверяла — мы не родственники.

— Откуда ты знаешь?

— Бабушка Галя как-то рассказывала. Она изучала нашу родословную. Ветровы — это просто однофамильцы.

— Ну да, ну да... — Ленка задумчиво покусала губу. — Ладно. Что будем делать? Есть план?

Я встала, прошлась по кофейне. Провела рукой по бирюзовой стене. Посмотрела на доску с меню, где Ленка каждое утро рисовала нового кота. Сегодня это был толстый рыжий котяра с надписью «Мяу-капучино».

— Для начала я запишусь к нему на приём.

— Думаешь, примет?

— Нет, — честно ответила я. — Поэтому я пойду без записи. Буду ждать под дверью, пока не выйдет. Или пока охрана не вызовет полицию.

— Отличный план, — Ленка подняла большой палец. — Обожаю, когда у тебя отличные планы.

— У меня нет других.

— Тогда вперед. А я пока останусь здесь — присмотрю, чтобы эти бульдозеристы не снесли чего ещё. Испеку круассаны. Война войной, а выпечка по расписанию.

— Ты чудо.

— Я знаю.

Я обняла Ленку, схватила сумку и вышла из кофейни. Бульдозер всё ещё работал, но теперь уже на соседнем участке — видимо, веранда была разминкой. Я посмотрела на него, на развороченную брусчатку, на изуродованную клумбу и почувствовала, как внутри закипает холодная, спокойная ярость.

Дмитрий Сергеевич Ветров. Миллиардер. Застройщик. Человек, который сказал, что чудес не бывает.

Ну-ну. Посмотрим.

На то, чтобы прорваться к Ветрову, ушло три дня.

Три дня я обивала пороги «Ветров-девелопмент» — элитного бизнес-центра на Петроградской стороне. Стекло и бетон, охрана на входе с таким выражением лиц, будто они охраняли не офис, а секретный правительственный бункер. Секретарша — высокая блондинка с ледяной улыбкой — каждый раз говорила: «Дмитрий Сергеевич занят», «Дмитрий Сергеевич на совещании», «Дмитрий Сергеевич в командировке» и однажды — моё любимое — «Дмитрия Сергеевича нет в здании, и я не знаю, когда он будет».

— Он только что прошёл мимо вас в лифт, — сказала я.

— Вам показалось.

Дважды меня вежливо выпроваживали. Один раз — не очень вежливо: охранник взял меня под локоть и буквально вынес на улицу со словами «Девушка, не создавайте проблем». Я не создавала проблем. Я просто пыталась спасти свой бизнес.

На четвёртый день мне повезло. Если это можно назвать везением.

Я узнала от знакомой журналистки, что Ветров будет на благотворительном вечере в отеле «Астория» в субботу. У меня не было приглашения. Не было вечернего платья — то, что висело в шкафу со времён выпускного, безнадежно вышло из моды. Не было драгоценностей, туфель, клатча и всего того, что полагается иметь женщине, идущей на светский раут.

Но у меня было чёрное платье, которое я не надевала со дня защиты диплома. Оно было простым, но элегантным — в таких ходят на собеседования и на похороны. У меня были туфли на каблуках, купленные три года назад на распродаже. И у меня была отчаянная решимость человека, которому нечего терять.

Ленка помогла мне собраться. Одолжила свои серьги — серебряные, в виде маленьких кофейных чашек. Подвела мне глаза так, что я стала похожа не на бариста в помятом фартуке, а на женщину, которая может войти в «Асторию» с гордо поднятой головой.

— Ну всё, — сказала она, отступая на шаг и разглядывая меня. — Ты прекрасна. Как Одри Хепбёрн. Только Одри Хепбёрн не швырялась круассанами.

— Я не швырялась круассанами!

— Пока не швырялась. Но если этот козёл тебя разозлит — я разрешаю.

Я рассмеялась, но смех вышел нервным. Внутри всё дрожало. Я не была светской львицей. Я была девушкой из кофейни, которая привыкла к джинсам и фартуку. Но выбора не было.

В «Асторию» я проскользнула вместе с группой журналистов, прикинувшись представителем какого-то блога. Охранник мельком глянул на моё платье, на Ленкины серьги, на выражение лица, которое я постаралась сделать максимально уверенным, и пропустил.

Вечер был именно таким, каким я его представляла: скучным, помпезным, пропитанным запахом дорогих духов и лицемерия. Шампанское лилось рекой. Дамы в бриллиантах щебетали о благотворительности, не вникая в суть. Мужчины обсуждали котировки акций и новые проекты. Я чувствовала себя вороной среди павлинов, но упрямо шла вперёд, высматривая в толпе высокую фигуру в сером пальто.

Его нигде не было.

Я обошла весь зал, заглянула в соседние гостиные, даже сунулась в дамскую комнату — на случай, если он вдруг решил попудрить носик. Никого.

И тут я увидела стеклянную дверь, ведущую на балкон. За ней, в темноте ноябрьского вечера, мерцал огонёк — кажется, кто-то курил. Или просто стоял, глядя на город.

Я толкнула дверь и вышла.

Он стоял там. Один. Без шампанского, без деловых партнёров, без своей вечной свиты. Просто стоял, облокотившись на перила, и смотрел куда-то в темноту питерской ночи. В одной руке — стакан с чем-то прозрачным. Не шампанское. Что-то крепче. Виски, наверное.

— Дмитрий Сергеевич? — мой голос прозвучал тихо, почти шёпотом, но он услышал.

Обернулся. И на секунду — на одну короткую, почти неуловимую секунду — в его глазах мелькнуло что-то, чего я не ожидала. Удивление. Смешанное с... узнаванием? Он меня запомнил. С первого раза. Хотя я была уверена, что он забыл обо мне, как только захлопнулась дверца «Мерседеса».

— Вы настойчивы, — произнёс он ровно. — Это похвально. И глупо.

— Я хочу поговорить. — Я подошла ближе, стуча каблуками по мраморному полу балкона. Сердце колотилось где-то в горле. — Всего пять минут. Я понимаю, что вы занятой чело-

век. Я понимаю, что мой бизнес для вас — песчинка. Но вы даже не представляете, что значит для меня эта кофейня. И для людей, которые туда ходят.

— Представляю. — Он отпил из стакана, не сводя с меня глаз. — Вы вложили в неё все сбережения. Работали по шестнадцать часов в сутки. Сами красили стены и выбирали зёрна. Ваша бабушка была против, но вы не послушали. Теперь вы являетесь ко мне в «Асторию» в платье трёхлетней давности и с серьгами в виде кофейных чашек, потому что больше идти не к кому. Всё верно?

Я опешила. Открыла рот. Закрыла. Он описал ситуацию с такой хирургической точностью, словно читал моё личное дело.

— Откуда вы...

— Я уже говорил. Я знаю всё о зданиях, которые собираюсь снести. И об их владельцах — тоже.

— Значит, вы знаете и то, что у вас нет морального права уничтожить мой бизнес? — я шагнула ближе. — Моя кофейня — это не просто точка общепита. Это место, куда приходят люди. Не абстрактные «посетители», а живые люди. С историями. С чувствами. Вот, например, Анна Петровна и Семён Ильич — им по семьдесят лет, они познакомились у меня три года назад. Теперь приходят каждое воскресенье, заказывают капучино и пирожное «картошка» и держатся за руки. Вы хотите лишить их этого?

Он молчал. Потом допил остатки виски и поставил стакан на перила.

— Знаете, что мне напоминает ваша речь, Алиса? — произнёс он тихо. — Детскую сказку. Про зайчика, который пытался уговорить волка не есть его, потому что у зайчика домик, морковка и большие планы на будущее. Это трогательно. Правда. У меня даже сердце чуть не дрогнуло. Но проблема в том, что волк остаётся волком.

— Значит, вы — волк? — бросила я ему в спину, потому что он уже разворачивался, чтобы уйти.

Остановился. Не обернулся.

— Хуже, Алиса. Я тот, кто строит. А строить, не разрушая старого, невозможно. Запомните это.

— Я запомню. Но запомните и вы: я не зайчик. И я не сдамся.

Он повернул голову — чуть-чуть, так что я увидела лишь край его лица и одну голубую искру в глазу.

— Я на это надеюсь, — сказал он. И ушёл.

Я осталась на балконе одна. Ветер трепал подол платья, пробирал до костей. Внизу сиял огнями Невский проспект — красивый, равнодушный, вечный. Где-то вдали, за крышами, пряталась моя маленькая кофейня с развороченной клумбой и бирюзовыми стенами.

Я достала телефон и набрала Ленку.

— Он меня даже слушать не стал. Вообще. Сказал, что он волк, а я зайчик.

— Вот козёл, — резюмировала Ленка после паузы. — Хотя погоди. Он правда назвал себя волком?

— Да.

— А тебя зайчиком?

— Вроде того.

— Слушай... это звучит как метафора. Волк и зайчик. Это же почти флирт.

— Лена! Ты с ума сошла? Какой флирт?! Он сносит мою кофейню!

— Ну да, ну да... Просто странно. Ладно. Что теперь?

Я закусила губу. В голове крутились его слова: «Я на это надеюсь». Что это было? Издёвка? Угроза? Или что-то другое?

— Теперь я найду способ надавить на него, — сказала я. — Не через бизнес — через что-то личное. У каждого есть слабое место. Я найду его.

— Ой, Алиска... — вздохнула Ленка. — Только не наломай дров.

Но я уже не слушала. Где-то в глубине души, вопреки всему, этот мужчина вызывал у меня не только ярость и страх. Что-то ещё. Что-то, от чего при нашей последней встрече мурашки бежали по коже.

И это «что-то» пугало меня больше, чем бульдозер, сносящий клумбу с петуниями.

Глава 2. Наследство с сюрпризом

Месяц пролетел как в тумане. Или как в затяжном осеннем дожде — сером, монотонном, бесконечном.

Я пыталась бороться. Писала письма в администрацию района, в комитет по градостроительству, в приёмную губернатора. Собирала подписи жильцов окрестных домов — тех самых, кто каждое утро заходил ко мне за кофе и круассаном. Подписалось почти триста человек. Триста живых душ, которым была небезразлична судьба маленькой бирюзовой кофейни на углу. Я отнесла эти подписи в офис «Ветров-девелопмент» и оставила на стойке у секретарши. Не знаю, дошли ли они до адресата. Наверное, полетели в корзину вместе с остальным мусором.

Я даже записалась на приём к какому-то депутату — молодому, амбициозному, который обещал «разобраться в ситуации и поддержать малый бизнес». Он продержал меня в приёмной два часа, потом вышел, сфотографировался со мной для соцсетей, сказал: «Мы обязательно поможем!» — и бесследно исчез. Его помощница потом месяц не брала трубку.

Ленка говорила: «Алиса, может, ну его? Откроемся в другом месте? На Васильевском, например? Там сейчас модно». Но я не могла. Не могла просто взять и всё бросить. Это была не просто кофейня. Это был мой якорь. Моё доказательство того, что я могу. Что бабушка ошибалась, когда говорила: «Ничего у тебя не выйдет, Алиска. Лучше иди в аспирантуру». Что я не просто филолог-неудачница, а человек, который построил что-то своими руками.

Кофейня работала вполсилы. Стройка перекрыла подходы так, что даже самые преданные клиенты вынуждены были делать крюк в полкилометра. А в дождь, который в ноябре шёл почти каждый день, этот крюк превращался в полосу препятствий. Выручка упала до смешного — я едва покрывала аренду и закупку зёрен. Ещё месяц — и мне будет нечем платить зарплату Ленке. Я знала, что она не уйдёт, даже если я задержу выплату на полгода. Но от этого было только стыднее.

А Дмитрий Ветров не шёл у меня из головы.

Не в романтическом смысле — нет, что вы. Просто я никогда в жизни не встречала людей с такой... непробиваемостью. Я привыкла, что люди реагируют. Злятся, спорят, сочувствуют, хотя бы раздражаются. А он смотрел сквозь меня, как сквозь стекло. Мои слова отскакивали от него, как горох от стены. Его лицо — это замёрзшее озеро — не выражало ни эмоций, ни интереса, ни простого человеческого тепла. И это бесило. Бесило до скрежета зубов. До бессонных ночей, когда я лежала в темноте, смотрела в потолок и прокручивала в голове наш разговор на балконе, придумывая блестящие ответы, которые должны были прийти мне в голову тогда, но пришли только сейчас.

«Волк остаётся волком». «Я тот, кто строит». «Чудес не бывает».

И самое странное, самое необъяснимое — эта фраза, которую я вспоминала чаще всего: «Я на это надеюсь». Что он имел в виду? На что надеялся? Что я не сдамся? Что я снова приду его донимать?

Я лежала в своей съёмной квартирке на Васильевском острове — маленькой, но уютной, с видом на кирпичную стену соседнего дома — и размышляла об этом, когда зазвонил телефон.

Номер был незнакомый. Городской. Я чуть не сбросила — в последнее время звонили в основном кредиторы и какие-то мутные типы, предлагавшие «решить вопрос» со стройкой за отдельную плату.

— Аллю?

— Алиса Андреевна Ветрова? — осведомился сухой, хорошо поставленный мужской голос. Такой голос бывает у дикторов, адвокатов и людей, которые привыкли сообщать новости. Хорошие или плохие — непонятно.

— Да. Кто это?

— Беспокоит нотариус Комаров Игорь Станиславович. Нотариальная контора номер четырнадцать, Центральный район. Вам необходимо явиться для оглашения завещания.

Я села на кровати. Одеядло сползло на пол, но я даже не заметила.

— Какого завещания?

— Вашей бабушки, Ветровой Галины Павловны. Вы — одна из наследников. — Он сделал короткую паузу. — Примите мои соболезнования.

Сердце бухнуло и покатилося куда-то вниз — в желудок, в пятки, в пол. Бабушка Галя. Галина Павловна. Моя единственная родственница. Единственный человек, который держал меня за руку в детстве, когда я боялась грозы. Который пёк яблочные пироги с корицей и говорил: «Ешь, Алиска, ты худая, как велосипед». Который читал мне «Алису в стране чудес» на ночь, а потом, когда я выросла, критиковал каждый мой шаг с такой яростью, будто я была не внучкой, а политическим оппонентом.

Я не видела её пять лет. Пять долгих, мучительных лет. С того самого дня, когда мы поссорились.

Это было в мае, за месяц до открытия кофейни. Я приехала к ней в Купчино — в ту самую трёхкомнатную квартиру, где выросла, где пахло книгами и лавандой, — чтобы поделиться радостью. Я нашла помещение! Я получила кредит! Я открываю свою кофейню!

Бабушка выслушала меня молча. Потом сняла очки, протёрла их платочком и сказала:

— Алиса, ты дура.

— Что?!

— Ты получила красный диплом филфака. Тебя звали в аспирантуру. У тебя способности к науке. А ты хочешь всю жизнь варить кофе?

— Бабушка, это не просто кофе! Это моё дело! Моя мечта!

— Мечта? — она горько усмехнулась. — Я тоже когда-то мечтала. Думала, буду великим библиотекарем, спасу все книги мира. А всю жизнь просидела в пыльном архиве. Мечты — это для богатых, Алиса. А мы с тобой — простые люди. Нам нужно думать о хлебе, а не о чудесах.

— Значит, ты не поддержишь меня?

— Я не дам тебе денег, если ты об этом. Хочешь варить кофе — вари. Но помощи не жди.

Я ушла. Хлопнула дверью. Проплакала весь вечер в общежитии, а наутро пошла в банк и подписала кредитный договор. Сама. Без бабушкиной помощи. Назло ей.

Мы не разговаривали пять лет. Я иногда звонила — на дни рождения, на Новый год, — но трубку никто не брал. Я писала письма — она не отвечала. Я даже приезжала однажды, но соседка сказала: «Галина Павловна просила передать, что её нет дома». И я перестала пытаться.

А потом, три месяца назад, мне позвонила дальняя родственница из Пскова — тётя Вера, которую я видела раз в жизни. Сказала, что бабушка Галя умерла. Тихо, во сне. Сердце. Похороны уже прошли — она не хотела, чтобы кого-то беспокоили. «Она всегда была гордой, — сказала тётя Вера. — Не хотела никого обременять».

Я проплакала всю ночь. А утром пошла в кофейню, сварила бабушкин любимый капучино с корицей, поставила чашку на стойку и сказала: «Прости, ба. Прости, что не звонила. Прости, что не мирилась. Прости, что ты ушла, а я даже не попрощалась».

И вот теперь — завещание.

— Когда нужно подойти? — спросила я, и голос предательски дрогнул.

— Завтра в одиннадцать утра. Адрес пришлю СМС. При себе иметь паспорт. — Он помолчал. — И пожалуйста, не опаздывайте.

— Не опоздаю.

Я нажала отбой и долго сидела, глядя на телефон. На экране высветилось сообщение с адресом: Моховая улица, дом двенадцать, парадная три, второй этаж. Старый особняк. Я знала этот район — когда-то мы с бабушкой гуляли там, и она показывала мне дома, в которых жили писатели и художники. «Смотри, Алиска, вот здесь Анна Ахматова жила. А вот здесь — Довлатов. Чувствуешь, какой воздух? Это воздух истории». Я кивала, хотя никакого воздуха не чувствовала. Просто любила гулять с бабушкой.

Теперь её больше нет. А воздух остался.

Нотариальная контора располагалась в старом особняке на Моховой — именно в таком, о каких бабушка рассказывала мне в детстве. Высокие потолки с лепниной. Широкая мраморная лестница. Скрипучий паркет, пахнущий мастикой и временем. На стенах — старые фотографии Петербурга: вот набережная Фонтанки в 1910 году, вот трамвай на Невском, вот дамы в шляпах у Гостиного двора.

Я пришла за пятнадцать минут — не могла усидеть дома. Сидела в коридоре на жёстком дубовом стуле, нервно теребила ремешок сумки и разглядывала фотографии. Напротив меня висел портрет пожилого мужчины с бакенбардами — видимо, основателя конторы. Он смотрел строго, оценивающе, словно спрашивал: «А ты достойна наследства? Не пропьёшь? Не продашь?»

Кроме меня, в приёмной никого не было. Тишина стояла такая, что я слышала, как тикают старинные напольные часы в углу, как где-то далеко шумит вода в трубах, как скрипит паркет под шагами секретарши — незаметной женщины в сером костюме, которая предложила мне чай и исчезла.

Ровно в одиннадцать массивная дубовая дверь открылась, и на пороге появился нотариус Комаров — тот самый, с сухим голосом. Он оказался именно таким, каким я его представляла: пожилой, но не старый, с аккуратной седой бородкой, в очках с тонкой золотой оправой. Костюм-тройка, безупречные манжеты, запонки с каким-то гербом. От него пахло одеколоном и старой бумагой.

— Алиса Андреевна? Прошу.

Я вошла в кабинет. Он был под стать особняку: огромный письменный стол красного дерева, книжные шкафы до потолка, зелёная лампа с абажуром, гравюры на стенах. На столе — кожаная папка с документами, серебряная чернильница (настоящая, не сувенирная) и фотография в рамке — та самая, которую я видела позже в бабушкиной квартире: молодая Галина Павловна в библиотеке, с книгой в руках, смеётся.

Комаров указал мне на стул напротив, а сам уселся в кресло и раскрыл папку.

— Прежде чем мы начнём, — он поднял на меня внимательный взгляд поверх очков, — позвольте выразить соболезнования. Галина Павловна была моим клиентом почти тридцать лет. Удивительная женщина. Редкого ума и характера.

— Спасибо, — тихо сказала я.

— Я знал её ещё до того, как она стала Ветровой. Она была из рода Оболенских — обедневшая ветвь, но всё же. Знала четыре языка. Могла бы сделать блестящую карьеру, но выбрала библиотеку. Она говорила: «Книги важнее людей, Игорь. Люди предают, а книги — никогда».

Я слушала и чувствовала, как к горлу подкатывает ком. Четыре языка? Бабушка Галя знала четыре языка? Она никогда не говорила об этом. Она вообще мало говорила о себе. Только обо мне — и то, в основном, критиковала.

— Итак. — Комаров поправил очки и перешёл к делу. — Согласно завещанию, составленному Галиной Павловной Ветровой пятнадцатого марта сего года и заверенному мной лично, вы, Алиса Андреевна Ветрова, являетесь наследницей одной второй доли в праве собственности на квартиру, расположенную по адресу: Санкт-Петербург, улица Кирочная, дом семь, квартира двадцать два.

Я замерла. В голове что-то щёлкнуло — как будто пазл сложился, но картинка пока была неясной.

Кирочная, семья. Я знала этот адрес. Это был старый доходный дом в самом центре, в пяти минутах от Таврического сада. Высокие потолки, лепнина, эркеры. В таких домах квартиры стоили десятки миллионов рублей. Откуда у бабушки, которая всю жизнь проработала в библиотеке и жила в скромной трёшке в Купчино, такая недвижимость?!

— Простите, — я кашлянула, — вы сказали «одной второй»? А кому отходит вторая половина?

Комаров снял очки и принялся их протирать замшевой тряпочкой. Делал он это медленно, тщательно, не глядя на меня. И это молчание вдруг показалось мне зловещим.

— Видите ли, в чём дело, Алиса Андреевна, — произнёс он, и его голос стал осторожным, как будто он шёл по минному полю, — вторая половина, согласно тому же завещанию, отходит Дмитрию Сергеевичу Ветрову.

Мир качнулся.

— Кому?!

— Дмитрию Сергеевичу Ветрову. Генеральному директору «Ветров-девелопмент». Я полагаю, вы с ним знакомы? Впрочем, Галина Павловна в завещании особо отметила, что вы не родственники, несмотря на общую фамилию. Просто однофамильцы.

Я сидела как громом поражённая.

Перед глазами поплыли круги. Я вцепилась в подлокотники стула, чтобы не упасть.

Этого не могло быть. Просто не могло. Случайность? Совпадение? Да какие, к чёрту, совпадения, когда речь идёт о человеке, который методично уничтожает мою жизнь?! Тот самый Ветров? Тот самый?! Владелец половины бабушкиной квартиры?!

— Как... — я облизала пересохшие губы, — как она вообще была с ним связана? Откуда они знали друг друга?

Комаров вздохнул и отложил тряпочку.

— Это долгая история, Алиса Андреевна. Галина Павловна была дружна с бабушкой Дмитрия Сергеевича — Елизаветой Марковной Ветровой. Они вместе работали в Публичной библиотеке, ещё в семидесятых годах. Дружили семьями. Потом, после смерти Елизаветы Марковны, Галина Павловна поддерживала отношения с её внуком. Навещала. Писала письма. Звонила. Он приезжал к ней — нечасто, но приезжал.

Я слушала и не верила. Выходит, бабушка Галя знала Дмитрия? Общалась с ним? Приглашала его в гости? Пила с ним чай? А он... он знал, что я — её внучка? Знал, когда сидел в «Мерседесе» и смотрел, как бульдозер сносит мои петунии?

— Я полагаю, это жест доброй воли, — продолжал Комаров. — Галина Павловна всегда была человеком широких взглядов. Она считала, что вы оба — хорошие, но одинокие люди. И что совместное наследство пойдёт вам на пользу.

— Жест доброй воли, — повторила я деревянным голосом. — Завещать половину квартиры внуку своей подруги и заставить его жить с незнакомой женщиной. Это по-вашему жест доброй воли?

— Не совсем с незнакомой, — Комаров чуть улыбнулся в усы. — Как видите, вы уже успели познакомиться.

Я закрыла лицо руками. Господи. Бабушка Галя, царствие ей небесное, всегда была оригинальной женщиной. Сложной. Непредсказуемой. Но это... это было слишком даже для неё.

— И что теперь? — спросила я глухо. — Мы совладельцы?

— Совершенно верно. — Комаров перевернул страницу. — Более того, завещание содержит особое условие. Позвольте зачитать.

Он прокашлялся и начал читать — торжественно, как читают указы или приговоры:

— «Я, Ветрова Галина Павловна, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, завещаю квартиру по адресу: Кирочная улица, дом семь, квартира двадцать два, в равных долях моей внучке Ветровой Алисе Андреевне и Ветрову Дмитрию Сергеевичу. Квартира не может быть продана, сдана внаём или обременена иным способом в течение двенадцати месяцев со дня моего ухода. Всё это время наследники обязаны проживать в квартире совместно. В случае, если один из наследников откажется от доли или нарушит условия проживания, его доля переходит городу с последующей передачей под социальное жильё. Я хочу, чтобы эти двое поняли то, что я поняла слишком поздно. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на гордость и одиночество».

В кабинете повисла звенящая тишина.

Я слышала, как колотится моё сердце — быстро, неровно, с перебойми. Как тикают часы в углу. Как шумит ветер за окном. Как где-то вдалеке сигналил машина.

Двенадцать месяцев. Год. Целый год совместного проживания с человеком, который съёз бульдозером мою клумбу. С волком, который назвал меня зайчиком. С женщиной, у которого ледяные глаза и стальное сердце.

— Это невозможно, — произнесла я одними губами.

— Условия завещания предельно ясны, Алиса Андреевна, — мягко, но твёрдо сказал Комаров. — Если вы или Дмитрий Сергеевич откажетесь...

— Я не откажусь! — выпалила я, сама удивляясь своей резкости. — Но и он тоже не откажется. Этот человек из тех, кто своего не упустит. Он не отдаст городу недвижимость за тридцать миллионов только ради того, чтобы не жить со мной.

— Вы правы, — раздался знакомый голос за моей спиной.

Я вздрогнула и обернулась.

В дверях кабинета, прислонившись плечом к косяку, стоял Дмитрий Ветров.

Он был в том же сером пальто, но сегодня — без галстука, с расстёгнутым воротом рубашки. В руке — кожаный портфель, на лице — всё та же холодная, чуть насмешливая маска. Только теперь в глубине его глаз я заметила что-то новое. Что-то похожее на злую иронию судьбы. Или на азарт.

Он явно только что вошёл. И слышал весь разговор.

— Доброе утро, Алиса, — он чуть приподнял левую бровь. — Ну что, с переездом нас?

Я вскочила со стула так резко, что едва не опрокинула чернильницу.

— Вы! — я ткнула в него пальцем, забыв о приличиях, о том, что нахожусь в кабинете уважаемого нотариуса, о том, что леди так себя не ведут. — Вы с самого начала знали?! Знали про завещание?!

— Знал, — он пожал плечами с таким видом, словно речь шла о погоде. — Игорь Станиславович любезно предупредил меня на прошлой неделе. Я как раз собирался подавать иск о принудительном выселении вашей кофейни, когда получил это... неожиданное известие.

— И вы молчали?!

— А какой смысл был говорить? — он прошёл в кабинет и уселся на соседний стул, закинув ногу на ногу с небрежным изяществом человека, который чувствует себя хозяином в любом помещении. — Условия завещания от этого не изменились бы. Я предпочитаю решать проблемы по мере их поступления. А не создавать драму раньше времени.

— Вы... вы... — я задыхалась от ярости. — Вы знали, что я — внучка Галины Павловны? Знали, когда сносили мою клумбу?!

— Знал.

— И ничего не сказали?!

— А что я должен был сказать? «Извините, что сношу вашу клумбу, кстати, мы с вами скоро будем жить в одной квартире, приятно познакомиться»? — Он чуть усмехнулся. — Это было бы несколько странно, вам не кажется?

— Мне кажется странным, что вы вообще способны на человеческие эмоции! — выпалила я. — Хотя нет, не странным. Невозможным!

— Уважаемые наследники, — деликатно кашлянул Комаров, и мы оба замолчали. — Я понимаю, что ситуация неординарная. Но позвольте мне всё же закончить.

Он поправил очки и продолжил:

— Итак. Квартира трёхкомнатная, сто десять квадратных метров, четвёртый этаж, окна во двор и на улицу. Состояние отличное — три года назад был сделан капитальный ремонт. Мебель и бытовая техника имеются. Вы можете заселяться хоть завтра. Ключи у меня.

Он достал из ящика стола два комплекта ключей — с одинаковыми брелоками в виде маленьких серебряных сов.

— Ключи от входной двери и от ваших личных комнат. Напоминаю: согласно завещанию, вы обязаны проживать в квартире совместно в течение двенадцати месяцев. Условие «совместно» трактуется широко — вы должны именно жить там, а не просто числиться. Контроль будет осуществляться. Галина Павловна предусмотрела и это.

— Контроль? — переспросила я. — Какой ещё контроль?

— Раз в месяц я буду навещать вас. С проверкой. Таково её распоряжение.

Я перевела взгляд на Дмитрия. Он смотрел на ключи с тем же выражением, с каким, наверное, смотрел на архитектурные чертежи, — оценивающе, холодно, без эмоций.

— Замечательно, — произнёс он. — Я займу левое крыло.

— Левое крыло? — я нервно хохотнула. — Это трёхкомнатная квартира, а не Зимний дворец. И с чего вы решили, что левое крыло — ваше?

— Потому что левое — дальше от кухни и ближе к кабинету. Мне нужна тишина для работы. А вам, полагаю, будет удобнее в правом — там рядом кухня. Женщина должна быть ближе к плите.

— Знаете что?! — я сжала кулаки. — Вы — самый невыносимый, самый самодовольный, самый...

— Уважаемые наследники! — Комаров повысил голос, и мы снова замолчали. — Я настоятельно рекомендую вам решать бытовые вопросы в частном порядке. Моя задача — заверить ваше согласие с условиями завещания и выдать ключи.

Он придвинул к нам документы — два экземпляра,#### исписанные юридическим языком.

— Здесь подтверждение, что вы ознакомлены с условиями и согласны их выполнять. Подпишите, пожалуйста.

Я взяла ручку. Рука дрожала. Я посмотрела на Дмитрия — он уже подписывал свой экземпляр, быстро, не читая. Юрист, привыкший к документам. Потом поднял глаза и встретился со мной взглядом.

— Ну? — спросил он. — Страшно?

— Нет, — соврала я. — Противно.

И подписала.

Комаров забрал документы, аккуратно убрал их в папку и положил перед нами ключи.

— Что ж, — сказал он, — дело сделано. Поздравляю вас, Алиса Андреевна и Дмитрий Сергеевич. Вы — совладельцы и, с сегодняшнего дня, соседи. Надеюсь, вы оправдаете ожидания Галины Павловны.

— Не дождётесь, — буркнула я, забирая свой комплект.

Дмитрий хмыкнул и взял свой.

Через полчаса я стояла на крыльце нотариальной конторы и смотрела, как серое питерское небо плачет мелким, нудным дождём. Капли барабанили по карнизу, стекали по водосточной трубе, разбивались о брусчатку. Город был мокрым, холодным и равнодушным.

Рядом остановился Ветров. Он поднял воротник пальто, достал из кармана телефон, набрал кому-то короткое сообщение и убрал обратно.

— Когда планируете переезжать? — спросил он, глядя на дождь.

— А когда вы?

— Я спросил первый.

— Завтра, — я вздёрнула подбородок, хотя внутри всё дрожало. — Чего тянуть? Чем быстрее начнётся этот ад, тем быстрее он кончится.

— Отлично. Значит, завтра и увидимся. — Он помолчал. — Только одна просьба, Алиса.

Он повернулся ко мне. Дождь падал на его тёмные волосы, на плечи дорогого пальто. Сейчас, в этом рассеянном ноябрьском свете, его лицо казалось менее суровым, чем обычно. Почти... человеческим.

— Не устраивайте из нашего соседства войну, — сказал он, и в его голосе прорезалось что-то, чего я раньше не слышала. Может быть, усталость. Может быть, странная, неожиданная мягкость. — Я знаю, как вы на меня смотрите. Как на врага. Но поверьте — я не враг вам. Я просто человек, который делает свою работу. И то, что ваша кофейня оказалась на пути стройки, — не моя личная прихоть, а бизнес. Ничего личного.

— Ничего личного, — повторила я эхом, сжимая в кулаке серебряную сову. — Знаете, Дмитрий Сергеевич... обычно именно этими словами оправдывают самые большие подлости.

Он чуть прищурился. Капля дождя скатилась по его виску, но он её даже не заметил.

— А вы — ершистая. Галина Павловна говорила мне, что у вас характер. Кажется, она преуменьшала.

Я вздрогнула.

— Вы общались с моей бабушкой? Обо мне?

— Иногда. — Он отвёл взгляд. — Она любила вас, Алиса. Очень любила. Хоть и не показывала.

С этими словами он развернулся и пошёл к своему «Мерседесу», припаркованному у тротуара. Сел, хлопнул дверцей, и машина растворилась в пелене дождя.

А я осталась стоять. Одна. С серебряной совой в кулаке и бурей в сердце.

«Она любила вас».

Откуда он знал? Почему бабушка говорила с ним обо мне, но не со мной? Что ещё она ему рассказывала? Что ещё скрывало это чёртово завещание?

Я не знала ответов. Но я знала одно: этот год будет самым длинным в моей жизни.

Вечером я сидела в «Алисе» и рассказывала всё Ленке.

Она слушала, открыв рот. Сначала не поверила — решила, что я её разыгрываю. Потом, когда я показала ключи с серебряной совой, — ахнула и чуть не выронила чашку с латте.

— Погоди-погоди, — она замахала руками. — Твоя бабушка завещала тебе половину элитной квартиры на Кировной. А вторую половину — тому самому мужику, который сносит нашу кофейню?

— Да.

— И вы должны жить там вместе? Целый год?!

— Да.

— И ты согласилась?!

— Да!

Ленка помолчала, переваривая информацию. Потом на её лице медленно расплылась улыбка — та самая, которая не предвещала ничего хорошего.

— Слушай... — начала она.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала!

— Ты собиралась сказать «а это, часом, не судьба?». И ответ — нет. Не судьба. Не судьба, не провидение, не карма и не знак свыше. Это просто моя бабушка, которая решила устроить мне личный филиал ада на земле.

— Ну... — Ленка замялась, — вообще-то я собиралась сказать: «А это, часом, не повод купить новое платье?». Но твоя версия тоже интересная.

— Лена!

— Что? — она захлопала ресницами. — Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. И если для этого нужно жить в одной квартире с красивым миллиардером, который сносит нашу кофейню... может, это не так уж плохо?

Я запустила в неё салфеткой. Ленка увернулась и расхохоталась.

— Ладно-ладно, молчу. Но ты всё равно купи платье. У тебя из одежды — только фартук и тот самый тренч, в котором ты ходила к депутату.

— Мне не нужно платье. Мне нужна стратегия выживания.

— Это одно и то же, — заявила Ленка. — Хорошее платье — лучшая стратегия выживания в мире мужчин.

Я закатила глаза, но спорить не стала. В конце концов, Ленка была права хотя бы в одном: мне действительно нечего было надеть.

А ночью, лёжа в своей постели и глядя в тёмный потолок, я вдруг поймала себя на мысли, что прокручиваю в голове каждое его слово. Каждый жест. Каждый взгляд. «Она любила вас». «Не устраивайте войну». «Я на это надеюсь».

И самое страшное — я не могла понять, что чувствую к этому человеку. Ненависть? Страх? Любопытство? Или что-то совсем другое, чему я боялась дать название?

Завтра я перееду в квартиру на Кирочной. Завтра начнётся наш совместный год. Завтра я увижу его снова.

И эта мысль пугала меня больше всего.

Глава 3. Территория войны

Я перевозила вещи в воскресенье.

Не потому что воскресенье — день для переездов, а потому что в субботу я просто не могла заставить себя вылезти из постели. Лежала, смотрела в потолок, прокручивала в голове вчерашний разговор в нотариальной конторе и пыталась убедить себя, что всё это — дурной сон. Что не было никакого завещания. Никакого серебряного ключа-совы на тумбочке. Никакого Дмитрия Сергеевича Ветрова, который сидел напротив, закинув ногу на ногу, и смотрел на меня с этой своей невыносимой усмешкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.